

О происхождении, символическомъ значеніи и устройствѣ архиерейскаго посоха ¹⁾).

Однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ, можно сказать, даже выдающихся внѣшнихъ отличій архиерейскаго сана является посохъ съ небольшимъ, устрояемымъ чаще всего у насъ теперь съ змѣвидными рогами возглавиемъ и особаго рода платомъ или такъ называемымъ сулкомъ подъ нимъ ²⁾. На

---

1) Рефератъ, читанный съ сокращеніями 8 авг. 1908 года на XIV археологическомъ съездѣ въ г. Черниговѣ, въ отдѣленіи древностей церковныхъ.

2) На востокъ „архиерейскіе жезлы, по словамъ проф. Дмитріевскаго (Современное богослуженіе на правосл. востокѣ, выш. I стр. 136—137), состоятъ изъ палки съ горизонтально на нее положенною небольшою поперечиною, которая иногда замѣняется двумя змѣвидными главами, взаимно назадъ обращенными“. Сулокъ тамъ не составляетъ также *необходимой* принадлежности архиерейскаго посоха. Весьма часто тому же ученому приходилось видѣть въ рукахъ восточнаго епископа посохъ безъ сулка.—Въ изданномъ въ 1838 году протопсалтомъ Великой церкви Константиномъ Типиконѣ (стр. 213) содержится указаніе, что по днямъ воскреснымъ и праздничнымъ, когда вселенскій патріархъ стоитъ на своемъ вѣнцарномъ тронѣ во время службъ, архидіаконъ держитъ близъ его патериссу (*τῆς πατερίσσης*), а въ другихъ случаяхъ, то есть, въ малые праздники и по буднямъ патріархъ становится въ находящуюся подлѣ трона стасидію (*ἐν τῇ στασιδίῳ τῇ λεγομένῳ Γεδέζῳ*) и второй діаконъ (*ὁ δευτέρου*) держитъ вблизи его *хазраній* (*τὸ χεζράνιον. χεζράνι*). Что представлялъ изъ себя хазраній,—за отсутствіемъ данныхъ не можемъ сказать. Можетъ быть, послѣднимъ терминомъ въ отличіе отъ обычнаго архиерейскаго жезла обозначалась обыкновенная трость, *батога* нашихъ древнерусскихъ святителей и вообще предковъ. Временникъ Общ. Ист. и Древн. кн. XV, стр. 116; см. 105.

посохъ какъ-то невольнo останавливаешься вниманіемъ, встрѣчаютъ ли архіерея торжественно въ храмѣ, совершаютъ ли съ нимъ и при немъ разнаго рода выходы и входы на службахъ, поучаетъ ли народъ, идетъ ли онъ въ крестномъ ходѣ или участвуетъ въ другой какой религиозной процессіи. На православномъ востокѣ, по крайней мѣрѣ въ патріаршихъ храмахъ, по большимъ праздникамъ архидіаконъ или кто-нибудь другой держитъ посохъ передъ архіерейскимъ внѣолтарнымъ треномъ, съ котораго обычно въ мантии слушаетъ въ это время службу святитель. То же самое дѣлалось и у насъ встарину, напримѣръ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Передъ малою вечерней подъ великіе праздники и въ нарочитые дни ключари выдавали изъ ризницы посохъ Петра чудотворца, и подьяки во всюнощную держали его предъ святѣйшимъ патріархомъ у святительскаго мѣста ¹⁾—подобно тому, какъ держатъ теперь лампадчикъ съ посошникомъ передъ царскими дверьми за архіерейской литургіей возженную лампаду съ занимающею въ настоящее время насъ богослужебную принадлежностію. Посохъ митрополита Петра, какъ вещественное напоминаніе о Московскомъ первопрестольникѣ, и до сихъ поръ находится на хорошо извѣстномъ нашемъ патріаршемъ мѣстѣ, какъ продолжаютъ стоять и во многихъ другихъ храмахъ на Руси при надгробіяхъ и ракахъ съ мощами святителей и игуменовъ ихъ старыя и скромныя посохи. Хотя здѣсь они выступаютъ уже съ характеромъ скорѣе священныя реликвіи, чѣмъ предметовъ живой дѣятельности, однако смыслъ, съ ними нѣкогда соединявшійся, остается неизмѣннымъ и для архіерейскихъ посоховъ нашего времени. И, мнѣ думается, всякій, даже совсѣмъ незнакомый съ богослужебнымъ экзегесомъ, не затруднится опредѣлить значеніе послѣднихъ и согласно съ литургистами скажетъ, что посохъ въ рукахъ епископа служитъ *знакомъ власти* его надъ подчиненными и законнаго управленія ими. Но согласиться вполне съ этою подсказываемою наблюде-

¹⁾ Рукоп. Московск. Синод. библ. № 426 лл. 453, 524—525, 528 об. 534 об.; № 425 лл. 6 об., 202; № 428 лл. 90, 91. Составитель *выходовъ* патр. Адріана, описавъ подробно торжественное служеніе послѣдняго 1 апр. 1693 года, въ субботу акаенста, замѣтилъ между прочимъ: „А посоха подьяки не держали, учинилось в забвеніи, а надобно держать: в прошлыхъ лѣтахъ держали“. Рукоп. Моск. Синод. библ. № 93 л. 293.

ніемъ живой дѣйствительности символикѣй, принять ее безъ всякихъ оговорокъ и разъясненій значило бы включить архіерейскій посохъ въ длинный рядъ подобныхъ же инсигній владѣтельныхъ особъ всѣхъ временъ и народностей и разсматривать его, какъ одно изъ промежуточныхъ звеньевъ въ немъ ¹⁾. Между архіерейскимъ посохомъ и, положимъ, царскимъ скипетромъ, словъ нѣтъ, есть нѣчто общее и сходное, поскольку тамъ и здѣсь фигурируетъ жезлъ, палка — одно и то же орудіе для обнаруженія такой или иной силы, но ставить въ генетическую зависимость первый отъ второго, производить ихъ изъ одного и того же источника было бы невѣрно ²⁾. Уже самое названіе: *пастырскій посохъ* (*baculus pastoralis*, *ποιμαστικὴ ράβδος*) не о царяхъ или знакахъ ихъ мірской власти вызываетъ прежде всего мысль, а невольно сближаетъ, роднитъ пастырей словесныхъ овецъ съ пастухами безсловесныхъ и въ одной изъ необходимыхъ принадлежностей скромнаго занятія послѣднихъ заставляетъ искать первообразъ разсматриваемой нами теперь священной утвари.

Родство пастырскаго посоха съ пастушескимъ подсказано давно уже самымъ сопоставленіемъ христіанскаго пастырства съ пасеніемъ овецъ. І. Христа, назвавшаго себя пастыремъ добрымъ (Іоанн. X, 11—16), первохристіанское искусство въ разныхъ его отрасляхъ едва ли не болѣе всего любило представлять въ видѣ пастуха съ обычными атрибутами его ремесла и между ними перѣдко съ посохомъ въ рукахъ или возлѣ него. Что ученики Христовы, а съ ними и всѣ христіанскіе пастыри наравнѣ съ остальными вѣрующими, пользовались посохомъ, какъ орудіемъ поддержки иль защиты, это понятно само собою, но одно простое упоминаніе о такихъ посохахъ въ рукахъ епископовъ еще ничего не говоритъ о древности ихъ, какъ своего рода отличительныхъ знаковъ пастырскаго служенія ³⁾. Свидѣтельства о по-

¹⁾ Какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, г. Фармаковскій въ Извѣст. Русск. Археолог. Инстит. въ Константинополѣ, т. VI, в. 2—3, стр. 329.

²⁾ О символическомъ значеніи жезла въ іудейскомъ и христіанскомъ мірѣ довольно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія даны у Kraus'a въ Real—Encyclopädie d. christl. Alterthümer, B. II, S. U. Stab.

³⁾ Въ качествѣ древнѣйшаго свѣдѣтельства въ пользу употребленія посоховъ вѣрующими при богослуженіи вообще, на литургіи въ частно-

сохахъ, какъ таковыхъ, и, нужно сознаться, не достаточно опредѣленные, начинаютъ проскользать лишь съ IV вѣка, хотя ясныя указанія на посохъ въ напутственной рѣчи Спасителя къ апостоламъ предъ посольствомъ ихъ на проповѣдь ¹⁾ и особенно въ первомъ Павловомъ посланіи къ Коринѳянамъ, казалось, съ самаго начала должны бы въ извѣстной мѣрѣ способствовать выдѣленію посоха, насъ занимающаго, изъ ряда обыкновенныхъ. Григорій Богословъ уже зналъ посохъ въ рукахъ духовныхъ пастырей и учителей. Павлинъ Нолянскій, говоря, что Христосъ „править нами внутренно посохомъ невидимымъ и жезломъ спасительнымъ“, констатировалъ тѣмъ самымъ существованіе того и другого у современныхъ ему пастырей ²⁾. О посохѣ, какъ объ одномъ изъ отличій епископскаго достоинства, совершенно положительно говорится въ 28 правилѣ четвертаго Толедскаго собора 633 года, по силѣ котораго епископъ, пресвитеръ или діакопъ, несправедливо лишены сана и затѣмъ на послѣдующемъ соборѣ оправданные, не иначе могли стать тѣмъ, чѣмъ ранѣе были, какъ чрезъ новое возведеніе въ утерянныя степени, передъ престоломъ, рукою архіерея, причемъ епископъ получалъ *orarium, annulum et baculum*, пресвитеръ—*orarium et planetam*, діакопъ—*orarium et albam*. Омофоръ, перстень и посохъ, по смыслу настоящаго канона,—главныя части, такимъ образомъ, западнаго епископскаго облаченія VII стол.

сти, приводятъ слова Гонорія Августодонскаго: *Dum evangelium legitur, baculi de manibus deponuntur* (*Gemin. anim. I, 24*). Констатируемый имъ церковный обычай, подтверждаемый между прочимъ и 26-ю главою нашего Устава, не былъ во всякомъ разѣ въ церкви явленіемъ изначальнымъ, повсюднымъ и всеобщимъ, какъ справедливо отмѣчаютъ то нѣкоторые изслѣдователи. *Martigny, Dictionnaire des Antiquités chretiennes, sub voce: baton; cfr. Kraus'a Real—Encyklopädie, s. v. Stab. B. II, s. 778.*

¹⁾ Марк. VI, 8; ср. Мат. X, 9—10; Лук. X, 4.

²⁾ *Hic ergo Dominus et Deus noster... ovis et pastor in nobis est, quia nos invisibili baculo et salutari virga intus regit, ut etiam si ambulemus in umbra mortis, non timeamus mala, quia nobiscum Deus est* (*Epist. ad Florent. n. 2*). Данныя о времени появленія, литургическомъ употребленіи и наиболѣе древнихъ изображеніяхъ архіерейскаго посоха на памятникахъ, относящихся къ западной церкви, довольно полно представлены у *Kraus'a* въ *Энциклопедіи* (*s. v. Stab*) и у *Бока* въ *Geschichte der liturgischen Gewänder, B. II SS. 213—226.*

Современникъ Толедскаго собора — Исидоръ Севильскій, замѣтивъ, что при посвященіи епископу дается посохъ, пояснилъ: „чтобы показаніемъ его (т. е. посоха) онъ правилъ подчиненнымъ народомъ, исправлялъ или укрѣплялъ слабости немощныхъ ¹⁾“. Развивая въ сущности ту же самую мысль, папа Иннокентій III (1198—1216 г.г.) высказался на этотъ счетъ еще опредѣленнѣе: „посохъ означаетъ *пастырское званіе* (correctionem), почему посвящающимъ и говорится посвященному: „Прими посохъ *пастырства*“, и о которомъ пишетъ апостолъ: *прииду къ вамъ съ лозою* (1 Кор. IV, 21). А что онъ остръ на концѣ, прямъ по срединѣ и загнутъ на верху, это значитъ, что первосвященникъ долженъ наказывать имъ лѣнливыхъ, поддерживать немощныхъ, собирать заблудшихъ“ ²⁾... Легко догадаться, что данная символика, сохраняющая въ устахъ римскаго папы конца XII-го и начала XIII стол. свои характерныя черты, но современемъ литургистами осложненная и до неузнаваемости, какъ бы

¹⁾ Huic (episcopo) dum consecratur datur baculus, ut ejus indicio subditam plebem vel regat vel corrigat vel infirmitates infirmorum sustineat (De offic. eccles. II, 7). Тѣ же самыя мысли и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ повторилъ, касаясь архіерейскаго посоха, какъ одного изъ отличій епископскаго сана, и Беда Достопочтенный.

²⁾ Baculus correctionem significat pastorem propter quod a consecratore dicitur consecratus: accipe baculum pastoralitatis et de quo dicit apostolus (1 Коринѣ. IV, 21): in virga veniam ad vos. Quod autem est acutus in fine, rectus in medio, retortus in summo, designat quod pontifex debet per eam punire pigros, regere debiles, colligere vagos. Quod uno carmine versificator quidam expressit: collige, sustenta, vasa, morbida, lenta. Древнее стихотвореніе, вошедшее въ объясненіе папы Иннокентія III, частію въ перифразѣ, частію дословно, въ сокращеніи или видоизмѣненіи иногда находило себѣ мѣсто и на самыхъ посохахъ. Такъ на одномъ изъ нихъ (св. Сатурнина въ Тулузѣ) значатся слова: Curva trahit, quos recta regit, pars ultima pungit; на другомъ, неизвѣстно кому принадлежавшемъ: Curva trahit mites, pars pungit acuta. Подобныя поясненія символическаго значенія жезла встрѣчаются и на посохахъ древне-русскихъ святителей. На четырехъ яблокахъ посоха патр. Филарета, въ 1693 году передѣланнаго патр. Адрианомъ, имѣются надписи слѣдующихъ словъ: *правленія* (т. е. жезль), *наказанія*, *оутверженія*, *казненія*. Kraus'a Real-Encyclopädie, S. V. Stab; Прот. К. *Никольскаго* Пособіе къ изученію устава богослуженія, стр. 68, изд. 5. СПб. 1894; *Boha* Geschichte d. liturgisch. Gewänder, B. II. s. 218; *Саввы*, архіеп. Тверск. Указатель Моск. патр. ризницы, стр. 30, изд. 5. М. 1883.

сказать, обезцвѣченная ¹⁾, взята изъ живой дѣйствительности, подсказана самымъ видомъ и способами примѣненія посоха со стороны пастуховъ. Посохъ римскихъ епископовъ времени Иннокентія III, сохранившій впрочемъ и до позднѣйшихъ поръ свою древнюю форму, вѣдь это же въ сущности *redum*—загнутый посохъ пастуховъ не одного классическаго, но и всего вообще міра, только, разумѣется, изъ болѣе цѣннаго матеріала художественно сдѣланный и такъ или иначе украшенный ²⁾. Съ клюкой или закривленною на концѣ палкою, столь пригодною въ пастушеской жизни для ловленія и привлеченія къ себѣ въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ за ноги козъ и овецъ, изображали обыкновенно въ греко-римскомъ искусствѣ боговъ—покровителей земледѣлія и стадъ, въ миниатюрахъ рукописей ветхозавѣтнаго Авеля ³⁾, въ многочисленныхъ и разнообразныхъ памятникахъ древне-христіанскихъ вилеемскихъ пастуховъ, но особенно часто добраго пастыря. Послѣдній весьма нерѣдко и даже пожалуй чаще представлялся и съ прямою палицей или тростинкою (*agolum, pastorale baculum, quo pecudes aguntur*) въ рукѣ или у груди.

¹⁾ По Симеону Солунскому, „жезль, который держитъ архіерей, означаетъ власть Духа, силу утвержденія (въ вѣрѣ) народа, пасенія душъ, путеводства, наказанія непокорныхъ, привлеченія къ себѣ отдаляющихся (поэтому то онъ имѣетъ на верху ручки на подобіе якорей) и отраженія звѣроправныхъ и вредныхъ людей. Наконецъ, онъ знаменуетъ крестъ Христовъ, которымъ мы и побѣждаемъ, и утверждаемся, и путеводимся, и пасемся, и запечатлѣваемся, и дѣтоводимся, и привлекаемся ко Христу, умерщвляя страсти, и прогоняемъ враговъ, и охраняемся во всемъ“ (Писанія св. отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолков. прав. богослуж., т. II стр. 98; см. *Миня Patrolog. graec. t. 155, coll. 257—258*). Легко видѣть, какъ первоначально простая и ясная мысль о значеніи посоха (*redum'a*), какъ знака пастырскаго званія или служенія, замѣтно осложнилась и затемнилась у нашего толкователя, отправлявшагося къ тому же въ толкованіи изъясняемаго предмета отъ устройства посоховъ современныхъ ему греческихъ архіереевъ.

²⁾ Объ устройствѣ, украшеніяхъ и принадлежности древнѣйшихъ посоховъ западныхъ епископовъ довольно обстоятельныя рѣчи въ цитованн. сочиненіи *Божа*, В. II, ss. 220—230.

³⁾ Такъ, напримѣръ, въ кодексѣ Космы Индикоплова VII—VIII вв. Ватиканской бібліотеки (См. у *Кондакова* Истор. визант. иск. и иконогр. по миниатюрамъ греческ. рукоп., стр. 92, и табл. IV рпсс.). Изображенный здѣсь съ *redum'*омъ Авель надъ головою имѣетъ надпись: *Ἰσὴλ ποίην ποιέτωρ.*

И если *redum*—посохъ съ загнутою верхнею оконечностію взявъ перевѣсъ надъ палкою или тростію и вошелъ преимущественно на западъ въ пастырско-литургическую практику, это можно объяснить отчасти тѣмъ, что въ немъ болѣе рельефно выражена идея или мысль о собираніи во едино разсѣяннаго стада. На востокъ, какъ отчасти и на западъ, и совершенно прямой посохъ съ такою или иною накладкою вверху, чаще всего въ видѣ небольшой поперечины, нашель примѣненіе въ монашеско-церковной средѣ и едва ли не ранѣе былъ общепринятъ въ ней, чѣмъ это случилось съ *redum*'омъ на западѣ. По своему устройству онъ былъ очень удобенъ для того, чтобы въ случаѣ утомленія отъ продолжительныхъ церковныхъ службъ и келейнаго правила инокамъ можно было склониться на него, руками и грудью опереться на его перекладину ¹⁾. Весьма возможно, что епископы изъ игуменовъ и архимандритовъ, привыкши въ монастырскомъ обиходѣ къ посоху въ этой его формѣ, и были первыми виновниками появленія его въ числѣ предметовъ архіерейскаго орната. Вполнѣ соотвѣтствуя по своему виду трехконечному кресту, посохъ этого рода лицами, употреблявшими его и занимавшимися символикой его, принимался за образъ послѣдняго, и такое значеніе его стало совершенно яснымъ для всѣхъ послѣ того, какъ верхушку его начали возглавлять крестомъ.

Въ самомъ устройствѣ посоха выразивъ наглядно мысль, что пасеніе словесныхъ овецъ должно быть совершаемо во имя и силою Распятаго, далеко не всѣ, понятно, архипастыри на пространствѣ вѣковъ собирали людей въ ограду Христову съ тѣмъ самоотверженіемъ, какое явлено было Имъ въ качествѣ недосягаемаго образца на крестѣ; съ очень давняго времени посохъ—это знаменіе пастырства ²⁾ въ рукахъ

¹⁾ Про преп. Варѣоломея, перваго архимандрита монастыря Спасителя въ Мессинѣ, разсказывается въ житіи, что онъ одѣвался въ кожаные одежды, ходилъ босой и лишь въ случаѣ усталости опирался на посохъ, напоминавшій верхушкою своею знакъ креста (*baculo crucis signum in vertice referenti incumbens, quo dubios firmaret gressus*). *Дюканжа* Glossar. graecit. s. v. *ῥάβδος*.

²⁾ Въ седьмомъ дѣявіи такъ называемаго на западѣ восьмого вселенскаго собора о лишаемомъ сана Константинопольскомъ патр. Фотіи говорится: *ἄρατι τὴν βακτηρίαν ἐκ τῆς χειρὸς αὐτοῦ, σημεῖον γὰρ ἐστὶν ἀξίας ποιμαίνετο*. *Дюканжа* Glossar. graecit. ibidem, col. 1278.

весьма многих изъ нихъ превратилось въ знакъ власти-тельства, постепенно сдѣлалось въ глазахъ ихъ самихъ эмблемою власти правящей и судящей ¹⁾. Слово нѣтъ, пастырство необходимо предполагаетъ и управление стадомъ, въ своемъ родѣ начальствованіе надъ нимъ, но несчастье заключалось въ томъ, что властительство надъ пасомыми затмевало по временамъ въ сознаніи очень многихъ іерарховъ идею пастырскаго душепопеченія о послѣднихъ, приравнивало епископа „къ образу жизни гражданской“ во многихъ отношеніяхъ, въ частности и въ отношеніи инсигнії, нами разсматриваемой. Феодоръ Вальсамонъ — знаменитый канонистъ восточной церкви, разсуждая о служебныхъ преимуществахъ „святѣйшаго престола новаго Рима“ ²⁾ и видя вмѣстѣ съ другими, что Константинопольскій архіепископъ „не чувствуетъ ни однимъ изъ преимуществъ римскаго папы, ибо и голову не покрываетъ царскимъ покровомъ (*λαβρός*) и ходитъ безъ царскаго скипетра, знаковъ и знаменъ; не возлагаетъ на себя пурпуроваго одѣянія и не садится на коня“, заключаетъ свои разсужденія словами: „Будучи чистѣйшимъ гражданиномъ Константинополя и по благодати Божіей сдѣлавшись частію святѣйшаго престола Константинопольскаго благопотребнѣйшею, я съ своей стороны хочу и молюсь, чтобы Константинопольскій патріархъ безъ соблазна имѣлъ

¹⁾ „Имя епископства, писалъ уже св. Исидоръ Пелусіотъ про епископовъ своего времени, и само оно божественно и выше всякаго образа жизни гражданской, но священство (подразумѣвается епископство) прилично только нѣкоторымъ и немногимъ, а именно держащимся той мысли, что оно есть отеческая попечительность, а не самоуправное самозаконіе. Поелику же измѣнили его во властительство, лучше же сказать, если надобно выразиться смѣлѣе, въ самоуправство, то знай, что объ этомъ видномъ и вождѣнномъ начальствѣ, которое, если когда, то нынѣ возбуждаетъ къ себѣ въ людяхъ сильную любовь и легко отдаетъ себя въ руки любителямъ онаго, понятіе не высоко... Ибо всего чаще надъ однимъ начальствуютъ, а другимъ раболѣпствуютъ, однимъ даютъ приказы, а другимъ услуживаютъ, однимъ дѣлаютъ зло, а другимъ милости, однихъ давять, передъ другими сами падаютъ, оныхъ боятся, а онымъ ненавистны. Посему не дивись, что пресвитеръ Іераксъ, какъ человекъ умный, бѣжалъ отъ этого сана, какъ отъ самой трудной болѣзни“ (Исидора Пелусіота II, 125).

²⁾ При объясненіи 28 прав. Халкидонскаго собора. Правила св. апостолъ, вселенск. и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ съ толкованіями, стр. 249. Москва, 1876.

всѣ преимущества, дарованныя ему божественными правилами“. О прерогативахъ вышеизложенныхъ церковныхъ правила, понятно, не говорятъ и источникъ желаній и моленій лежалъ не въ нихъ, а въ честолюбивыхъ стремленіяхъ Антиохійскаго патріарха, для котораго, очевидно, мало было видѣть въ рукахъ собрата и своихъ собственныхъ простой пастырскій посохъ, *патериссу* ¹⁾, какъ называли его современники; ему хотѣлось, чтобы константинопольскій патріархъ „украшилъ себя знаками царскаго достоинства, ходилъ бы съ царскимъ скипетромъ“.

Вальсамонъ, какъ чистѣйшій гражданинъ Константинополя, конечно отлично зналъ, что однимъ изъ наиболѣе бросающихся въ глаза отличій въ сложномъ и роскошномъ орнатѣ многочисленныхъ чиновъ византійскаго двора являлся жезлъ или *диканикій* ²⁾, какъ чаще его потомъ называли. Менѣе важные чиновники въ родѣ протокомитовъ, орфанотрофовъ и друг. лишены были впрочемъ совсѣмъ жезловъ ³⁾, но зато у имѣвшихъ послѣдніе были весьма разнообразны по виду, матеріалу и особенно по украшеніямъ. У чиновниковъ, занимавшихъ низшіе ранги ⁴⁾, диканикіи были *однодревянные гладкіе, безъ шипковъ или яблоковъ* (*μονόξυλον, ξύλον λεῖον χωρὶς κόμβων*); у сановниковъ высокихъ, наоборотъ, съ шипками. Жезлы однихъ ⁵⁾ были деревянные бѣлые (*ξύλα λευκά*), другихъ серебряные (*ἀργυροῦν ἀχρῦστων*) ⁶⁾, у третьихъ—серебро-позлащенные. Они значительно разнообразились между собой количествомъ, матеріаломъ и отдѣлкой своихъ яблоковъ или шипковъ, какъ отчасти и промежуточныхъ колѣнцевъ между ними, по каче-

¹⁾ Московскій соборъ 1674 года, перечисляя одежды патріаршескія, о посохѣ его замѣтилъ: „жезлъ пастырскій, именуемый у грекъ патерисса (*πατέρισσα, πατερίτζε*) отъ отца попеченія, руками носится“... *Амвросія Истор. Россійск. іерарх. ч. I, стр. 329; см. Дмитріевскаго Ставленникъ, стр. 140. Кіевъ, 1904.*

²⁾ Названіемъ *δικανίγιον* (вѣроятно, отъ *δικάζειν*, творить судъ и расправу) дается понятъ, что лицу, держащему въ рукахъ посохъ, усваивается власть судебно-карательная.

³⁾ Codini *De officiis*, cap. IV, pag. 26—27. Edit. Bonn.

⁴⁾ Напримѣръ: у папія, друнгарія, прокатымена китона и великихъ палатъ, логаріаста двора, domestика стѣнъ. Тамъ же, стрр. 26—28.

⁵⁾ Прокатыменовъ болѣе важныхъ городовъ.

⁶⁾ Доместика школъ, великаго адвуміаста. Тамъ же, стр. 23—24.

ству и цвѣту почти всегда не одинаковыхъ и чаще всего другъ съ другомъ чередовавшихся. Такъ, напримѣръ, диканикій великаго domestica, какъ и великаго дуки, былъ съ золотыми съ насѣчкою шипками и таковыми же покрытыми вперемежку серебряною сканью колѣнцами ¹⁾. Диканикій начальника трапезы имѣлъ первое и третье колѣнца позолоченныя, а второе и четвертое черныя ²⁾. Одна сторона жезла великаго дѣрминевта была кокциновая, а другая росписанная по серебру ³⁾. Повидимому, эмаль разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ: багрянаго, бѣлаго, зеленаго и другихъ фигурировала чаще по золотому и серебряному фону въ убранствѣ диканикіевъ тѣхъ или другихъ сановниковъ имперіи. Диканикій царя и великаго примикирія былъ во времена Кодина, судя по памятникамъ, гладкій, изъ нѣжнаго, легкаго позолоченнаго дерева ⁴⁾; у царицы отъ верха къ низу, по длинѣ, онъ осыпанъ былъ жемчугомъ и драгоценными камнями ⁵⁾.

Подобное различіе въ устройствѣ, цвѣтѣ и вообще убранствѣ посоховъ и нѣкоторое соотвѣтствіе послѣднихъ съ положеніемъ и важностію лицъ наблюдаются и въ церковно-іерархической византійской средѣ. Константинопольскій патріархъ, примѣру котораго слѣдовали обычно остальные владыки востока, какъ глаза клира, не только въ своихъ отношеніяхъ съ подчиненнымъ духовенствомъ, но отчасти и въ литургическомъ орнатѣ и инсигніяхъ пытался подражать обычаямъ и порядкамъ, державшимся при императорскомъ дворѣ. На встрѣчу этимъ тщеславнымъ стремленіямъ его

1) Τὸ δὲ δικανικίον αὐτοῦ ἔχει μὲν κόμπους χρυσοῦς ἐγκολπτοῦς καὶ κονδύλους ὁμοίως χρυσοῦς, κεκλωσμένους δὲ διὰ σχοινοπλοκίον ἀργυροῦ ὡς τοὺς τοῦ δικανικίου τοῦ μεγάλου domesticon. Тамъ же, стр. 17—18.

2) Τοῦ δὲ δικανικίου αὐτοῦ ὁ μὲν πρῶτος κόνδυλος χρυσοῦς, ὁ δὲ δεύτερος μέλας, εἴτε χρυσοῦς καὶ ἄλλιν μέλας, καὶ καθεξῆς ὁμοίως. Тамъ же, стр. 21.

3) Τοῦ δικανικίου αὐτοῦ τὸ μὲν ἐν πλείστον κόκκινον, τὸ δὲ ἕτερον ἀργυροῦν διὰ πεταλίον σφραγιστοῦ. Тамъ же стр. 25.

4) Τὸ δικανικίον αὐτοῦ (μεγάλου примικηρίου) ξέλον κεκλωσμένον, οἷον τοῦ βασιλέως. Codini De offic. pag. 19, cap. IV; cfr. Pauli Silentiarü Description. S. Sophiae, vers. 259: οὐ χρυσὴν τινὰ ἄββον ἀλλ' ἀργυροῦν ἐνάκτιον. Свѣмонъ Солунскій о царскомъ жезлѣ говоритъ: καὶ ἐτι ἄββον λαμβάνει οὐ βαφείαν τινὰ καὶ ἀκλήριον. ἀλλ' ἀργυροῦν καὶ μαύκτιν. Джанкжа Glossar graecit. col. 309.

5) Ἔχον τε ἀπὸ τῆς κορυφῆς καὶ κάτωθεν, ὅσον σπῆραισιον μίκτος μαργαριτέρου καὶ λίθου ἐμπεποιημένα κέκλωθεν. Тамъ же.

шли время отъ времени и сами императоры съ разнаго рода пожалованіями своимъ духовнымъ отцамъ. — Достаточно вспомнить здѣсь о саккосѣ, скиадіяхъ, разноцвѣтныхъ табліонахъ или скрижальяхъ на патріаршихъ, митрополичьихъ, епископскихъ, архимандричьихъ и игуменскихъ мантияхъ, объ источникахъ или иноцвѣтныхъ полосахъ на стихаряхъ, о предносныхъ архіерейскихъ лампадахъ или дивамвулахъ и орлецахъ и т. д., чтобы перестать сомнѣваться на счетъ позаимствованій нѣкоторыхъ частей церковнаго облаченія изъ царскаго византійскаго костюма. Такъ и свой посохъ новоизбранный патріархъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе вѣка имперіи, вслѣдъ за панагіей (*τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐγκόλιον*) получалъ во дворцѣ изъ рукъ царя ¹⁾, и по устройству своему, за исключеніемъ верхней части, этотъ патріаршій диканикій нѣсколько походилъ на царскій диканикій того времени: онъ былъ, повидимому, гладкій серебряный, вызолоченный, красивый и дорого стоившій ²⁾. Что у грековъ въ сравнительно позднѣйшее время существовало различіе между диканикіемъ патріаршимъ и посохомъ общецерковнымъ, отчасти между этимъ послѣднимъ и игуменскимъ, объ этомъ можно заключать уже изъ немногихъ монументальныхъ и литературныхъ данныхъ, относящихся къ исторіи посоха въ греческой и нашей русской церкви, а также отъ сохранившихся изъ древности по настоящее время образцовъ ихъ. Простые игуменскіе посохи у насъ, какъ и въ Греціи, были гладкіе, безъ шипковъ или перехватовъ, однострунные, даже изъ жимолостныхъ тростинокъ, обычно чернаго цвѣта, однорогіе или чаще съ поперечною рукояткою на своемъ верху, иногда вѣнчавшеюся крестомъ ³⁾. Жезлы

¹⁾ *Ἡ πατριαρχὴς λαμβάνει τὸ δικανικὸν ἐκ τῆς τοῦ βασιλέως χειρὸς.* Codini De officis cap. XX, pag 103—104.

²⁾ *Δικανικὸν πολλοῦ ἄξιον ἦτοι ἄριστος ἀργυρῶ περιεχουσαμένη, ὄρειν.* Дюканжа Glosar. graecit. col. 309; cfr. Гоара *Ἐθνολογ.* p. 115, 313.

³⁾ *Фармаковский* Б., Византійскій пергам. рукоп. свитокъ, въ Извѣст. Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ, т. VI, вып. 2—3, стр. 329—332, и относящ. къ нимъ табл. I; *архим. Макарія* Археолог. опис. церквн. древн. въ Новгородѣ, ч. II стр. 258—259. Въ житіи Стефана Чудотворца († 794 г.), написанномъ ученикомъ его Леонтіемъ, рассказывается между прочимъ, какъ преподобный держалъ „своей святой крестообразный посохъ“ (Палестинск. Патерика стр. 114. СПБ. 1900), Превосв. Порфирій въ своемъ „Первомъ путешествіи на Афонъ“ (стр. 209) упоминаетъ

епископскіе, наоборотъ, были снабжены, судя по крайней мѣрѣ по удѣлѣвшимся изъ нихъ, тѣмъ или другимъ числомъ шипковъ или яблоковъ, такъ или иначе украшенныхъ, напримѣръ, гравированными по дереву, кости, металлу и даже камню разными не-священными и священными изображеніями ¹⁾.

о двухъ жезлахъ преп. Аванасія Аѳонскаго: одномъ желѣзномъ съ крестомъ на верху, а другомъ, повидимому, деревянномъ, который онъ называетъ патерицею. Есть основанія утверждать, что въ болѣе позднія времена въ Греціи, какъ, быть можетъ, и на Руси (Историко-статистич. описаніе Смоленской епархіи, стр. 149. СПб. 1864) у игуменовъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ монастырей, подобно патріархамъ Константинопольскимъ, было по два посоха, получавшихся при самомъ производствѣ. Въ уставѣ Михайло-архангельскаго на горѣ преп. Авксентія монастыря, ктиторомъ котораго былъ импер. Михайлъ Палеологъ, между прочимъ говорится, что настоятель его получалъ изъ рукъ самого царя, по своему избранію, *ῥάβδον καὶ βαστήριον* (Дмитріевскаго Тулика, стр. 775). Пастырскій посохъ (*basulum*) Типикъ отличаетъ отъ настоятельскаго жезла. Первый вѣроятно устроился въ видѣ деревянной клюки, второй, увѣнчанный, надо думать, крестомъ, походилъ на диканикій и былъ употребляемъ въ болѣе торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, по праздникамъ за богослуженіемъ (Сн. *преосвящ. Порфирія* Путешествіе въ Осоломпыскіе монастыри, стр. 293, 318). Въ русскихъ описяхъ архіерейскаго имущества XVIII столѣтія вслѣдъ за обычными посохами перечисляются иногда „понахадные“, вѣроятно, чернаго цвѣта (Описан. дѣлъ и документ., хранящ. въ архивѣ св. Синода, т. I стр. XLIX, CLXVII), а у старыхъ нашихъ изслѣдователей (*Амеросій*, Ист. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 394) среди служебныхъ отличій одного и того же лица, напримѣръ, архимандрита Троицкаго Слуцкаго монастыря рядомъ съ патерицею называется и посохъ.

¹⁾ Въ образцѣ древне-восточныхъ архіепископскихъ жезловъ укажемъ на фресковыя изображенія въ церкви св. Саркиса (Сергія) въ Сиріи, въ которыхъ представлены между прочимъ первоучители монофизитской церкви—Маръ Ілія и Маръ Іаковъ Барадей съ однорогими, увѣнчанными по верхушкѣ едва замѣтными крестиками посохами. Рога послѣднихъ окачиваются змѣиными головками, а самые стержни или колѣнца украшены яблоками и инкрустированы (*Успенскаго Ф. И.* Археологическіе памятники Сиріи, въ Извѣст. Русск. Археолог. Инстит. въ Констант., т. VII, вып. 2—3-й, стр. 137 и относ. къ ней табл. №№ 20—21). Посохи греческихъ архіереевъ XIV—XV вѣковъ, по словамъ Симеона Солунскаго (*De sacra liturgia* сар. 80, у *Миня* т. 155, р. 257; русск. пер. въ Писаніяхъ т. II, стр. 98), имѣли на верху ручки на подобіе якорей (*λαβὴς ὡς ἀγκύρας ἑρωθεῖν*), т. е. были двурогіе. Въ ризницѣ Черниговскаго архіерейскаго дома, подъ № 296, хранится деревянный, инкрустированный, съ четырьмя яблоками, архіерейскій посохъ, подъ слововою, съ двумя змѣиными головками рукоятку котораго, на серебряныхъ пластинкахъ, чернью сдѣ-

Весьма немногіе святители, какъ напримѣръ Феодосій Черниговскій, и по принятіи епископства предпочитали оставаться съ своими старыми и скромными монашескими посохами. Есть упоминаніе, что святительскіе посохи бывали иногда „писаные“, то-есть росписанные красками ¹⁾. Можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что „великій митрополитъ посохъ“ въ старое время на Руси отличался отъ епископскихъ большимъ богатствомъ въ украшеніи шипковъ и промежуточныхъ колѣнцевъ между ними и въ XV—XVI вв. едва ли не былъ иногда сверху до низу позолоченный ²⁾.

лапа надпись: + ἄρχων τῆς λαοσύνης πύργου βύζαντος Μιτροπόλιος. 1662, ὀκτωβρη (10). На другихъ также древнихъ посохахъ того же архіерейскаго дома, Московской патріаршей ризницы, Новгородской Софійской и многихъ другихъ легко видѣть, какое большое разнообразіе существовало въ старое время въ устройствѣ и особенно украшеніи этой священной утвари. Драгоценные камни, жемчугъ, скань, финифть и т. п. покрывали святительскіе жезлы. Весьма немногіе изъ нихъ дошли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ; подавляющее большинство передѣланы. Это обстоятельство въ высшей степени затрудняетъ и дѣлаетъ почти невозможнымъ установить своего рода градацию между посохами, соотвѣтственно церковно-іерархическимъ достоинствамъ, и ихъ отношеніе къ византійскимъ прототипамъ.

¹⁾ О пожалованіи 20 мая 1666 года Чудовскому архимандриту Іоакиму мантии съ скрижалями и „посохомъ архіерейскимъ деревяннымъ писаннымъ“ см. въ Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 107. Не думаемъ, что подъ „писаннымъ“ посохомъ здѣсь должно разумѣть лишь посохъ, окрашенный въ обычный черный цвѣтъ. Естественноѣе предположить, что въ данномъ разѣ рѣчь идетъ о посохѣ расцвѣченномъ разными красками хотя бы, напримѣръ, по колѣнцамъ. Не было ли это писанье придуманною нашими предками замѣной византійской эмали?

²⁾ „Посохъ великій митрополитъ“ въ торжественной обстановкѣ, съ особаго рода рѣчью, былъ врученъ великимъ княземъ первому на Москвѣ поставленному русину митрополиту Іовѣ (Поли. Собр. Русск. Лѣтоп. т. VI, стр. 167, 236). Ненавѣстно, былъ ли это посохъ первопрестольника Московскаго Петра митрополита, дававшійся при посвященіяхъ послѣдующимъ нашимъ первосвятителямъ лицомъ, посвящавшимъ ихъ, а иногда подносившійся имъ самимъ даже царемъ со словами: „Пріими, святѣйшій отче, прежде бывшихъ тебе святыхъ митрополитъ жезлъ пастырства“ (архив. Саввы Указат. Московск. Патр. ризницы стр. 31, изд. 5. М. 1883). Посохъ святителя Петра—изъ чернаго китайскаго дерева, съ сребропозлащеннымъ двурогимъ возглавіемъ и тремя, вмѣсто яблокъ, обоймицами. Что рядомъ съ этимъ скромнымъ посохомъ у нашихъ святителей съ довольно давняго времени были также „жезлы златы“, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія въ виду совершенно ясныхъ на этотъ

Даже во второй половинѣ XVII вѣка, когда различіе въ одѣяніи и служебныхъ вообще инсигніяхъ іерархическихъ степеней и духовныхъ сановъ по разнымъ причинамъ у насъ начало исчезать, церковно-византійскія традиціи относительно предмета, насъ занимающаго, не были совершенно забыты и при случаѣ давали о себѣ знать. Разсуждая о преимуществахъ въ облаченіи разныхъ лицъ, Московскій соборъ 1674 года между прочимъ архимандритамъ Троице-Сергіева, Рождественскаго Владимірскаго и Московскаго Чудова монастырей предоставилъ „имѣть жезлы епископстіи древяніи съ шипками, верхнюю часть и шипки позлащенны имущіи, златомъ же или серебромъ покованныхъ не имѣти имъ“¹⁾. Надѣляя трехъ избраннѣйшихъ архимандритовъ этою прерогативой, награждая не разъ и потомъ, въ XVIII вѣкѣ, заслуженнѣйшихъ настоятелей²⁾ посохами съ серебropозлащенными возглавіями и таковыми же яблоками на нихъ, русскіе іерархи, быть можетъ, сами того вполне не сознавая, однакоже памятовали, что они поступаютъ временно собственными, отъ глубокой византійской древности уплѣлѣвшими инсигніями, въ *сребро-златокованныхъ посохахъ съ яблоки и еще змѣи*³⁾ продолжали видѣть свое служебное отличіе.

счетъ литургико-каноническихъ данныхъ XVII столѣтія (Дѣян. Московск. соб. 1674 г. у *Амеросія* Истор. Россійск. іер. ч. I, стр. 338; см. Древн. Росс. Вивліое. ч. VI, стр. 219, изд. 2. Пользуемся случаемъ исправить погрѣшность, допущенную нами по недосмотру при изданіи Чинovníковъ Московск. Успенск. собора, а именно возстановить не напечатанную въ нихъ (въ самомъ началѣ стр. 80, послѣ словъ: ідяху къ нему святители) фразу: *имѣше жезлы златы въ рукахъ своіхъ і...* Рукоп. Синод. библ. № 910 л. 227.

¹⁾ *Амеросія* Ист. Росс. Іерарх. ч. I, стр. 337—338.

²⁾ Напримѣръ, архимандритовъ: Соловецкаго монастыря, Нѣжинскаго-Благовѣщенскаго, Новгородскаго-Тихвинскаго, Лихвинскаго-Покровскаго, Козловскаго-Троицкаго и мног. другихъ. Тамъ же, ч. I стр. 380, 388, 389, 394; ч. II стр. 131—432.

³⁾ „Жезлъ пастырскій, читаемъ въ дѣяніи Московскаго собора 1674 г., именуемый у грекъ патерисса отъ отча попеченія, руками носится, овогда сребрянъ, частѣе же слоновою костію или евеномъ (древомъ) утешряется, его же вышшая часть при руцѣ украшена приложеннымъ древомъ или слововыми змѣями, къ себѣ главы взапмъ обращеннымъ, аки котвами, имже архіерей утверждается, путешествуя“ (Тамъ же стр. 329). Въ другомъ памятникѣ кратко, но точно сказано, что „всѣ архіерей въ носеніи

Въ змѣвидныхъ головкахъ, которыми всего чаще оканчиваются у насъ, какъ и на востокѣ, рога пастырскихъ посоховъ, позднѣйшіе литургисты усматривали символъ мудрости, съ каковою святители, по заповѣди Господа (Мѡ. X, 16), должны пасти стадо свое ¹⁾, а приверженцы стараго обряда—нововведеніе патр. Никона, который „своимъ злоумышленіемъ“ первый будто бы „доспѣлъ святительскіе жезлы съ проклятыми змѣями“. ²⁾ Символисты были бы, разумѣется, правы, если бы въ возглавіяхъ посоховъ нашихъ архипасырей рядомъ съ змѣиными головами мы видѣли и голубя—образъ кротости и незлобія, съ которыми послѣдніе обязаны править паствою своею, а въ успокоеніе читателей церковной старины достаточно замѣтить здѣсь, что заложенная въ устройство сравнительно позднѣйшихъ посоховъ глубокая мысль о пораженіи крестомъ змѣя или діавола съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства и въ продолженіи всѣхъ послѣдующихъ находила художественное выраженіе на разнообразныхъ памятникахъ, не исключая западныхъ и восточныхъ пастырскихъ посоховъ, находила много разъ и во всякомъ случаѣ задолго до того, какъ убѣжденные, но мало свѣдущіе въ археологіи первые расколоучители начали винить въ мнимомъ новшествѣ злосчастнаго патріарха ³⁾.

и служеніи имѣютъ жезлы съ яблоки и змѣи“ (стр. 319). Митрополиты, архіепископы и епископы лишаемы были жезловоношенія въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось быть въ Москвѣ и сослужить патріарху (стр. 333, 337). Въ епархіяхъ своихъ, служили ли епископы, ходили ли въ крестныхъ ходахъ, путешествовали ли для обозрѣнія своей области, съ посохами своими они, можно сказать, не разлучались. Греческіе архіереи, напримѣръ, Константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателарій, хоронившіеся ивогда сидя, съ посохомъ своимъ сходили и въ могилу. Придавая посоху важное значеніе, іерархи древне-русскіе вмѣняли въ обязанность подчиненнымъ имъ клирикамъ воздавать посоху, какъ и въ болгарномъ ихъ трону, на которомъ послѣдній помѣщался, почтеніе поклоненіемъ, кажденіемъ. П. С. Р. Л. VI, 236; Дополн. Акт. Истор. т. V, ст. 99, 147; Др. Росс. Вивліое. ч. X, стр. 369, 424.

¹⁾ *Никольскаго* прот. Посobie къ изуч. устава богослуж. стр. 68. СПб. 1894.

²⁾ Увѣтъ Духовный, л. 222. Москва, 1682 г.

³⁾ Изображеніе змѣя или дракова, пронзаемаго нижнимъ концомъ лабарума или креста, попираемаго ногами воскресшаго Спасителя, святыхъ женъ и мужей: Евѣимии, Перпетуи, великомуч. Георгія, архангеловъ Михаила и Гавріила и т. д.—не рѣдкость въ христіанской иконографіи и его можно видѣть на многихъ памятникахъ ея, начиная съ древнѣйшихъ

Нѣкоторымъ дѣйствительно новшествомъ, начавшимся у насъ на сѣверѣ приблизительно съ половины XVII вѣка, было прикрѣпленіе или привѣшиваніе къ верхней части архіерейскаго, а иногда и архимандричьяго посоха четырехугольнаго, вдвое сложеннаго своего рода плата, такъ называемаго сулка. Одни ученые видѣли и видятъ въ послѣднемъ простое *украшеніе*, упуская изъ виду то, что всякій орнаментальный членъ въ нашемъ богослужебномъ обрядѣ и храмовомъ убранствѣ почти всегда возникалъ и развивался изъ служебнаго. Другіе, наоборотъ, находятъ сулокъ *изобрѣтеніемъ чисто практическимъ*, вызваннымъ естественными причинами—желаніемъ защитить руку держащаго посохъ отъ холода при прикосновеніи къ металлу, особенно въ нашу суровую зимнюю пору ¹⁾. Предохранить руки отъ холода съ большимъ удобствомъ можно было бы и инымъ путемъ, не привѣшивая непременно навсегда, т. е. безъ нужды и на лѣто, сулокъ къ посоху. 6 января 1684 года, по случаю сильнаго мороза, патр. Іоакиму предъ исхожденіемъ на Іорданъ на Москву рѣку „дьякони *взѣли рукавицы*, и (онъ), снявъ митру, поднялъ на главу крестъ и велѣлъ вести себя до западныхъ дверей (Успенскаго собора) архiereемъ.“ ²⁾ И не потому конечно рукавицы потомъ не приняты были въ число нашихъ богослужебныхъ принадлежностей, что своимъ видомъ не-

---

христіанскихъ лампочекъ и монеть импер. Константина Вел., продолжая издѣліями изъ слоновой кости, металлическаго дѣла, византійскими мозаиками, миниатюрами, вплоть до древне-русскихъ иконъ и стѣнописей храма.

1) „Сулкомъ обвертывается верхъ посоха“, по словамъ прот. Никольскаго (Пособіе къ изуч. устава, стр. 69. СПб. 1894), для украшенія его и для того, чтобы мягче и легче было вести посохъ. Проф. Дмитріевскій, отмѣтивъ отсутствіе сулковъ у архіерейскихъ посоховъ на востокъ и появленіе ихъ у насъ въ силу необходимости, пишетъ: „Держаніе металлическаго жезла въ рукахъ, при сильныхъ морозахъ, во время крестныхъ ходовъ на открытомъ воздухѣ составляетъ подвигъ тяжелый и для многихъ даже невыносимый. Для того, чтобы защитить руку держащаго жезлъ отъ прикосновенія къ холодному металлу, и придумано было обертывать его шпирками—платками, получившими названіе сулка. Двойной составъ сулка имѣеть цѣлью защитить нижнимъ платкомъ руку отъ прикосновенія къ холодному металлу, а верхнимъ прикрыть ее отъ вѣшняго холода... При служеніяхъ въ храмѣ сулки остались украшеніемъ и иногда очень богатымъ“. Ставленникъ, стр. 148, прим. 2. Кіевъ, 1904 г.

2) Рукош. Моск. Синодальн. библ. № 426. л. 291 обор.

удовлетворяли художественному вкусу нашихъ предковъ или значились, въ видѣ перчатокъ, въ облаченіи западныхъ епископовъ. Мнѣ кажется, что цѣль, которую по началу преслѣдовали, прикрѣпляя къ верхней части посоха сулокъ, была иная, достиженію которой болѣе отвѣчать другой, съ глубокой христіанской древности имѣвшійся въ церковномъ употребленіи предметъ. Уже патрр. Софроніи съ Германомъ говорятъ о томъ, что священнослужашіе ихъ времени носили за поясомъ или на рукахъ полотенца (*ἐγχειρίδιον, ἐγχειρίον*). Первоначальное назначеніе ихъ было вѣроятно то же, что и позднѣйшихъ въ житейскомъ быту лицевыхъ платковъ и ручниковъ (*oraria, sudaria*) ¹⁾. Но съ развитіемъ іератизма въ церковно-богослужебной обрядности, этими енхиріями—ручниками стали пользоваться, какъ покровцами (*vela*), въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось, напимѣръ, брать въ руки или на руки какой-нибудь священный предметъ. Касаться обнаженными руками святыни считалось тогда, какъ считается и теперь, не пристойнымъ. Вотъ почему святители и пресвитеры переднею частію своей фелони, концомъ омофора, епитрахили, ручниками—убрусцами придерживали евангаліе, крестъ или святую икону, діаконъ тѣми же ручными платами—свои ладоницы и сіоны, въ какомъ видѣ чаще всего мы и видимъ ихъ на древнихъ византійско-русскихъ мозаикахъ и фрескахъ, въ миниатюрахъ рукописей и многихъ другихъ памятникахъ. Особенно хорошо видны занимающіе насъ убрусцы на нашихъ старинныхъ иконахъ священномученика Власія, святителей: Исаи и Леонтія Ростовскихъ, Никиты Новгородскаго, Петра, Алексія и Іоны Московскихъ, Гурія и Варсонофія Казанскихъ. Въ миниатюрахъ рукописей и на иконахъ тотъ же убрусецъ—ручникъ можно увидать на брошеннымъ на возглавіе или рукоять архипастырскаго, а иногда и игуменскаго посоха ²⁾. Видимое дѣло, что святители имъ придерживали посохъ, чтобы не касаться нечистыми руками предмета, въ ихъ глазахъ особенно священнаго. Въ миниатюрахъ рукописнаго архіератикона Московской Синодальной

¹⁾ По патр. Герману (Писанія св. отцевъ, относящ. къ истоку богослуж., т. I, стр. 365—369, 273), ручной платокъ при поясъ знаменуетъ лентій, которымъ Христосъ отираетъ свои руки, а отчасти напоминаетъ и того, кто, отерши руки свои, сказалъ: *неповиненъ есмь*.

²⁾ *Голубинскаго* Е. Е. Археологическ. атласъ, т. LVIII, 3.

библіотеки, по которому „славили Бога“ Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ и святитель Димитрій Ростовскій, мы впервые въ памятникахъ богослужебныхъ увидали сулокъ подвѣшеннымъ къ посоху ¹⁾ и, что особенно примѣчательно, не тотъ газетовый, бархатный или атласный сравнительно тяжелый сулокъ, который теперь постоянно и повсюду можно наблюдать, и не старую, шитую серебромъ или золотомъ нашу ширинку ²⁾, которая нерѣдко „подносилась“ набожными боярынями нашимъ первосвятителямъ „на послуженіе на посохъ“ или для другого какого употребленія ³⁾, а скорѣе именно древне-христіанскій ручникъ или нашъ старинный убрусецъ. Перегнутымъ или сложеннымъ вдвое ⁴⁾ (такъ что концы его, протканые разноцвѣтнымъ узоромъ или обшитые кружевомъ, не закрываютъ одинъ другой) и привѣшеннымъ къ посоху этотъ ручникъ или полотенце изображается нерѣдко на гравированныхъ и живописныхъ портретахъ нашихъ іерарховъ XVII—XIX столѣтій. Сулокъ въ видѣ ручника или *легкаго убруса* на архіерейскомъ жезлѣ намъ лично приходилось впрочемъ наблюдать въ памятни-

¹⁾ Рукоп. Моск. Синод. библ. № 370, л. 125 об.

²⁾ Одна изъ такихъ ширенокъ пздана преосвящ. Саввою въ Указат. патриарш. ризницы, т. VIII, 41. Ширинку и сулокъ святители брали въ руки. О патр. Филаретѣ Никитичѣ пзвѣстно, что въ 1620 году ему, по случаю болѣзни въ рукѣ, „никако было взять въ тое болъную руку сулка невозможно“. *Смирнова* А. П. Патр. Филаретъ Никитичъ, ч. II стр. 208. М. 1874

³⁾ 6 мая 1681 года патр. Іоакимъ служилъ литургію по бояринѣ Б. М. Хитромъ (Хитрово), „и на частѣхъ боярыня Марья Ивановна святѣйшему патриарху поднесла ширинку таятяную, золотомъ пакищену, на послуженіе на посохъ, а после литургіи была дача за службу“ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 426, л. 112). Ширинка, предназначавшаяся въ данномъ случаѣ вмѣсто сулка на посохъ, служила тогда разнымъ цѣлямъ и между прочимъ ею пользовались, когда приходилось брать въ руки и носить какой-либо священный предметъ, напримѣръ, воздвизальный крестъ (Чинovníки Московск. Успенск. собора, мвою изданные, стр. 127. М. 1905; св. Древн. Росс. Вивл. ч. XI, стр. 107). Въ древнемъ Новгородѣ протопопъ, ключарь или протоіакопъ обычно подносили осѣщальный или благословящій крестъ святителю на блюдѣ съ *сулогомъ*, то-есть, придерживая послѣднее или самый крестъ снизу ширинкой. Чинovníк. Новгород. Соф. соб., стр. 78, 164, 190. М. 1899.

⁴⁾ Не отсюда ли, не отъ *слаганія* ли ручника произошло и самое названіе его *сулогомъ*, *сулкомъ*“?

какъ чаще юга, чѣмъ сѣвера Россіи. Южно-русскіе святители раньше сѣверно-русскихъ и, какъ кажется, не безъ вліянія римско-католическихъ аббатовъ и епископовъ ¹⁾, въ цѣляхъ удобства, подвѣсили убрусецъ къ своему пастырскому посоху—подобно тому, какъ пресвитеры по тѣмъ же чисто практическимъ соображеніямъ еще прежде ихъ положили у престола на аналой свой древній ручникъ. Съ измѣненіемъ способа ношенія сулка послѣдовала перемѣна и въ отношеніи качества матеріала и самаго назначенія его. Изъ вещи при богослуженіи нужной, недорогой, примѣрно, полотняной сулокъ превратился въ цѣнное, а иногда и дорого стоящее украшеніе священнаго предмета, причемъ, незамѣтно съ нимъ произошло нежелательное своего рода *qui pro quo*. Оберегая сулокъ съ нерѣдко-цѣннымъ въ томъ или иномъ отношеніи убранствомъ его, посошники да мно-

---

¹⁾ На западѣ съ XIV до XVII стол. къ изогнутой верхушкѣ (*curvatura*) или верхнему шишку (*nodus*) посоховъ епископовъ и митрофорныхъ аббатовъ прикрѣплялось болѣе или менѣе цѣнное матерчатое украшеніе. У древнихъ литургическихъ писателей оно называлось *to orarium*, *to velum*; позднѣе его обозначали словами: *sudarium* и *rannissellus*. Отправляясь отъ названій: *orarium* и *sudarium*, слѣдуетъ думать, что епископы и аббаты первоначально пользовались этою принадлежностію, какъ потовымъ и вообще лицевымъ платкомъ, при отправленіи утомительныхъ церемоній, особенно въ жаркое лѣтнее время. Этой цѣли, какъ нельзя болѣе, оговѣчала тонкая, газообразная льняная матерія (*byssus*), изъ которой чаще всего въ болѣе древнее время приготовлялся на западѣ разсматриваемый предметъ. Наоборотъ, рѣже встрѣчающееся для послѣдняго названіе *velum* указываетъ, повидимому, скорѣе на то, что въ разсматриваемую принадлежность заворачивали руку, чтобы въ холодное время она не страдала отъ стужи при прикосновеніи къ металлу, а въ теплую пору не грязвилась отъ него и сама не пачкала его. Не говоря уже о томъ, что легкая и прозрачная, на подобіе теперешняго крепа, матерія, изъ которой дѣлался *rannissellus*, мало пригодна была для достиженія указанныхъ цѣлей; не должно упускать изъ виду того, что послѣднимъ могла вполне удовлетворять перчатка на руку, въ которой западные епископы и митрофорные аббаты почти всегда носили свой посохъ. Въ нѣкоторыхъ западныхъ церквахъ было въ обычаѣ при епископскихъ мессахъ держать сударь діакоу, который въ положенное время возлагалъ его на престолъ по правую сторону епископа. Изъ этого не безъ основанія заключаютъ, что въ болѣе отдаленную эпоху и западные епископы, какъ и восточные, обходились въ давномъ разѣ безъ услугъ діаконовъ, подвѣсивая свой ручникъ непосредственно къ поясу. *Bona Geschichte der liturgischen Gewänder*, B. II, ss. 226—231.

гіе и изъ самихъ святителей не сулкою начали брать посохъ, а скорѣе послѣднимъ стали придерживать то, что предназначалось и предназначается на „послуженіе“ ему ¹⁾.

А. Голубцовъ.

---

¹⁾ Въ XVIII—XIX вѣкахъ сулки верѣдко жаловались нашимъ іерархамъ самими государынями, украшались орлами, инициалами владыкъ и т. п. Это обстоятельство предрасполагало также послѣднихъ относиться къ высочайшимъ подаркамъ съ достоюльвымъ вниманіемъ и особливою бережливостію...